

**К. В. Преображенская,
Протоиерей Дмитрий (Д. А. Григорьянц)***

**ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ
СОВРЕМЕННОСТИ**

В статье рассматриваются феномены языка и культуры в контексте современных тенденций общественной жизни и концепций образования. Язык выступает как носитель традиции, фиксируя не только вербальные, но и смысловые формы культуры. Язык и культура в ситуации современности обнаруживают возможности трансформаций, сохраняя исконные ценностные значения культуры. Русская культура сохраняет устойчивость аксиологических смыслов языка одновременно с возможностью творческой рефлексии над изменчивостью современной эпохи

Ключевые слова: язык, образование, общество, личность, культура, становление, современность, смыслы.

Preobrazhenskaya K. V., Archpriest Dmitry (Grigor'yancz D. A.)

LANGUAGE, CULTURE, EDUCATION:

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL CONSTANTS OF MODERNITY

The article deals with the phenomena of language and culture in the context of modern trends in social life and concepts of education. Language acts as a carrier of tradition, fixing not only verbal, but also semantic forms of culture. Language and culture in the situation of modernity reveal the possibility of transformations, while maintaining the original values of culture. Russian culture preserves the stability of the axiological meanings of the language at the same time as the possibility of creative reflection on the variability of the modern era.

Keywords: language, education, society, personality, culture, formation, modernity, meanings.

* Преображенская Кира Владиславовна, к. ф. н., ученый секретарь Ученого совета, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; kira459@list.ru

Протоиерей Дмитрий (Григорьянц Д. А.), аспирант, Русская христианская гуманитарная академия; grigory.ants@yandex.ru

Современность как эпоха, характеризующаяся размыванием общечеловеческих ценностей и тенденциями духовного нигилизма, остро ставит вопросы как о личной идентичности, так и о механизмах формирования гражданской идентичности, которая по-прежнему может рассматриваться как инструмент консолидации общества. Существенная проблема заключается в том, что общество, заявляющее как вектор своего развития устремленность к будущему и совершенствование технологий, по-прежнему связывает обращенность к традиционным ценностям с векторами прошлого.

В своё время Л. Н. Гумилёв сформулировал интересную концепцию восприятия времени в культуре, согласно которой пассеизм (обращенность к прошлому) характерен вовсе не для обществ, которые находятся в стагнации (именно так это воспринимается в рамках современной культуры), но сопровождает «первый творческий период становления» [3. С. 96–97], когда каждый член общества ощущает себя «строителем» этнической целостности, будучи при этом продолжателем линии предков. В обществе с таким ощущением времени люди чувствуют себя частицами великой традиции и способны на бескорыстную деятельность ради нее. Как подчеркивает Л. Н. Гумилев, пассеизм возникает именно в фазе культурного подъема и выполняя наиболее конструктивную работу. В некотором смысле можно заключить, что такого рода культурное восприятие времени характеризует «здоровое» состояние общества, для которого ценности традиции, культуры, исторического прошлого составляют фундамент для движения вперед.

Поэтому есть основания пересмотреть современное отношение к традиции, подразумевающее внимание к прошлому и обозначить его как конструктивное. Однако, существенным остается вопрос о том, что конструктивное отношение к традиции подразумевает именно живое, непосредственное её восприятие, включающее в себя выстраивание стратегий жизни в соответствии с историческими ценностями.

Между тем, в последнее десятилетие всё чаще звучали мысли о том, что сама по себе российская традиция обладает деструктивным характером (например, известная статья И. Яковенко в «Новой газете», опубликованная в 2012 г. [8], которая в яркой дискуссионной форме позиционирующая идею несовместимости традиционных цивилизаций и стратегий общественного обновления). Подобно тезисам, высказанным еще П. Я. Чаадаевым, многие полагают, что само цивилизационное основание русской культуры противоречит жизнеспособности общества, поскольку силой обладает только экономико-правовая парадигма воспитания, и поэтому необходимо привить молодому поколению привычку «мыслить интересами» [8].

Как известно, ценности культуры и цивилизационные установки фокусируются и в традициях быта, и в культурных парадигмах, и, конечно, в религиозном (духовно-нравственном) компоненте. Не случайно всё чаще на уровне управления социальными институтами ведется разговор о компенсации негативных тенденций современности через усиление роли воспитательного процесса в образовании, деятельности учреждений культуры. Для того, чтобы этот процесс был неформальным, необходимо объединение усилий государства, Церкви и общественных институтов.

Специфика русской культуры всегда подразумевала идею образования как целостного воспитания личности, в которой бы гармонично сочетались знания интеллектуальные с духовно-нравственными ориентирами. Именно это содержание мы и находим в термине «просвещение» в трактовке русской культуры. В определении Владимира Даля Просвещение — это «свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностью; развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование, при ясном сознании долга своего и цели жизни. Просвещение одною только наукою, одного только ума, одностороннее, и не ведет к добру» [4. С. 508].

Традиции Просвещения, которое прочитывалось именно в духовно-нравственном и даже в конфессиональном ракурсе, всегда были определяющими для исторического и государственного пути России. У этих традиций самые глубокие корни, связывающие нас с самой русской культурой. Как подчеркивал А. С. Пушкин в своих размышлениях о воспитании, «одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия» [7. С. 53]. Просвещение в истории России всегда понималось и как явление культуры, так и как то, что превосходит культуру, прежде всего, в светском значении этого понятия. Даже звучание слова *просвещение* в русском языке созвучно *просветлению* и *свету*. Так прочитывается понятие просвещения и у Владимира Даля: «Свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностью; развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование, при ясном сознании долга своего и цели жизни. Просвещение одною только наукою, одного только ума, одностороннее, и не ведет к добру» [4. С. 508]. В этом ракурсе обязательное присутствие в отечественных моделях образования примеров высокой русской словесности — явление гораздо более глубокое, чем стремление ознакомит учащихся с языком и историей культуры.

К теме просвещения в контексте современных образовательных стратегий примыкает и само пространство языка, который является и языком культуры, и языком личного опыта, и, конечно же, языком образования и просвещения. Язык, как это на рубеже XIX–XX вв. показала лингвистика (Ф. де Соссюр и пр.) — это не просто инструмент коммуникации, это система знаков — символов, значений, смыслов. Как сейчас мы сказали бы, это — «культурный код» нации. Вслед за Ф. де Соссюром, К. Леви-Стросс в работе «Структурная антропология» (1963 г.) [5] убедительно показывает, что структура языка есть отражение структуры общества (или наоборот: общество есть отражение структуры языка). Современная наука часто делает акцент именно на первичности языка по отношению к культуре.

Попробуем рассмотреть этот феномен более детально. Каждый конкретный индивид входит в мир и «становится» человеком лишь посредством языка и коммуникации. Сам язык — это, в некотором смысле «условие» человечности. И здесь важно отметить, что современность язык рассматривает значительно шире, нежели только вербальный уровень коммуникаций. Так, любой визуальный образ — это тоже текст, и, соответственно, язык. Мы умеем «читать» тексты, поскольку освоили «культурный код». Как подчеркивает Д. К. Богатырёв, «мышление настолько глубоко укоренено в языке, что их практически невозможно отделить. Чтение и сочинение суть высокоэффективные средства

совершенствования мышления» [2. С. 17]. Именно через язык «формируется такая способность, как интерпретация, исходящая из контекста, и интуитивное усмотрение значений, смыслов и ценностей» [2. С.17].

Как в своей время убедительно демонстрировал Г. П. Щедровицкий, внутри педагогической практики есть серьезная сложность, обусловленная тем, что в обучении передается не информация, а культурная ситуация [6]. Поэтому мир человека (культура, Родина) — это всё, что прочитывается человеком как текст и как культурный код. И здесь пьющий отец, несчастная мать — это тоже фрагмент Родины, культуры, культурного кода.

Трансформации современного общества, которое делает своими ориентирами векторы прагматизма, потребления, успеха, финансового обогащения, неизбежно затрагивают эти фундаментальные аспекты картины мира человека. Во многом эти изменения продиктованы не только сменой экономического и технологического укладов, но трансформациями идеологии, которая исконно связывает образование и культуру с ценностью (достоинством) человека. Как отмечает Д. К. Богатырев, «гуманизм в широком значении предполагает уважение к человеку и его достоинству, встречаясь в таком качестве во многих развитых культурах. Новоевропейский гуманизм представляет собой нечто особенное и формируется в результате распада христианской культуры эпохи Средних веков. Он имеет евангельские корни, ведь ни одна религия не ставит так высоко человека в иерархии сущего, как христианство. Однако по мере своей эволюции гуманизм сильно отрывается от своих корней. Опорной мифологемой новоевропейского гуманизма становится убеждение, будто человек является основным (у христианских гуманистов) или даже единственным (именно так у Маркса и других секулярных гуманистов) творцом истории и своей собственной судьбы. Эту самодемиургию (ведь творцом в точном, изначально- библейском смысле этого слова человеку не бывать по определению) можно понимать персоналистически или социально» [2. С.14].

Современные ракурсы «самодемиургии» (для современности вообще чрезвычайно важны «возвратные» формы: понятие self-made имеет здесь почти онтологический смысл) подразумевают, что человек должен органично демонстрировать единый ритм с эпохой. Актуальная для всех сфер жизни нехватка времени сопровождается упадком рефлексии и всё большим распространением автоматизмов и упрощений. Современные национальные языки переполнены не столько англицизмами, сколько аббревиатурами, также английского происхождения. Эти аббревиатуры становятся частью молодежной субкультуры, формируя пространства закрытых смыслов для более старших поколений. Так, аббревиатуры «ЛОЛ» (laughing out loud), «РОФЛ» (rolling on the floor, laughing), «кринж» (от англ. to cringe «стесняться, смущаться, испытывать неловкость») с трудом идентифицируются теми, кто не имеет специальной филологической подготовки. Это часть современности, её виртуальных ракурсов: культура как бы создает свой «виртуальный» язык, который перестаёт быть носителем фундаментальных, обусловленных родным языком, понятий и категорий.

Созвучно всей ситуации современности звучит требование, которое выдвигает к современной педагогике и философии образования известный

отечественный педагог-практик Ш. А. Амонашвили. Он пишет: «изначальные понятия — школа, учитель, урок, ученик, образование — требуют другого раскрытия, восстановления того смысла, который был в них когда-то, но оказался выхолощенным». Также он говорит о необходимости исследования «четвертого» измерения в педагогике — духовного мира как пространства коммуникации с «образами» — «духовной устремленности вверх, к свету», как с сутью человека, который создан по образу и подобию Бога. Задача педагога здесь — помочь прорасти этому «образу» в человеке, раскрыть его, «восстановить тот смысл, который был заложен в понятиях образования когда-то» [1. С. 7–11].

Современное общество стоит перед необходимостью по-новому увидеть и такие ключевые понятия для формирования гражданской идентичности, как патриотизм. Входя в этот мир, каждый человек не автономен, не живет в безвоздушном пространстве, но является частью своей семьи, своего народа, своего Отечества. Те смыслы, которые размываются тенденциями глобализма, остаются устойчивыми даже способны обрести новые краски при переходе от национальной перспективы зрения — к более широкой — христианской (духовной). И здесь отечественная культура, будучи сформированной в русле христианского мировоззрения, оказывается в «выигрышной» ситуации. По существу, и сам глобализм в каком-то смысле является одним из отзвуков вселенской миссии христианства.

Остаются важными и смысловые, ценностные основания языка, которые позволяют и современной культуре, и современной системе образования сохранять исконные смыслы, которые по-прежнему направляют экзистенциальные линии формирования личности. Понятие «Истина» в русском языке несет в себе оттенки метафизики, указания на трансцендентные смыслы, которые совершенно не покрываются юридическим, нормативным значением производных от латинского *Veritas* (то, что можно верифицировать) в европейских языках. Русский язык позволяет различать множество оттенков и смыслов в понятиях «Право», «Правда», «Справедливость». Это установка, «оптика» культуры, которая продолжает формировать мировоззренческий фундамент отечественной культуры и практик повседневности.

К этому можно добавить и то, что многообразие смысловых оттенков в русском языке (обилие вариантов употребления приставок, суффиксов и пр.) — это поле для свободного творчества личности. Каждый способен на неологизм, каждое новое слово — это новый оттенок реальности.

И в этом смысле отечественная культура — это очень современная стихия: она может быть предельно подвижной, адаптивной, сохраняя, тем не менее, свои фундаментальные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амонашвили Ш. А. Образ и образование // Педагогика Культуры. СПб., 2005, № 2.
2. Богатырев Д. К. Философия образования в России: есть ли выход из тупика реформ? // Русская философия. 2023. Вып. 1 (5)

3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., «Гидрометеиздат», 1990.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1980.
5. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., «ЭКСМО-Пресс», 2001
6. Педагогика и логика. М., «Касталь», 1993.
7. Пушкин А.С. О неродном воспитании // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1948. Кн. 1.
8. Яковенко И. Образование новой России // Новая газета. 2012. № 29. 16 марта.